

А.Н. Еремеева

В ЖАНРЕ АГИОГРАФИИ: КОНСТРУИРОВАНИЕ БИОГРАФИЙ РУССКИХ УЧЕНЫХ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА

Первые послевоенные годы, как известно, проходили не только под знаменем восстановления разрушенного хозяйства. Это было время апогея сталинского культа, масштабных идеологических кампаний.

Великая победа над фашизмом, волею войны усилившиеся контакты с европейскими странами и США вызвали среди населения Страны Советов, особенно среди интеллигенции, надежды на либерализацию режима. И эти надежды в 1945–1946 гг. казались небезосновательными. Однако вскоре, опасаясь развития живой, не поддающейся контролю мысли, сталинское руководство сделало всё, чтобы, выражаясь словами Константина Симонова, «пресечь в ней (интеллигенции. — *А.Е.*) иллюзии, указать ей на место в обществе и напомнить, что задачи, поставленные перед ней, будут формулироваться так же ясно и определенно, как они формулировались и раньше, до войны...»¹.

Борьба с инакомыслием под флагом утверждения советского патриотизма, против «тлетворного влияния Запада» в 1946–1953 гг. происходила в различных сферах: науке, образовании, художественной культуре. В докладе предпринята попытка ответить на вопрос о роли биографий русских ученых в формировании патриотического дискурса, о методах конструирования в рамках учебных курсов, в публицистических, историко-научных и художественных текстах канонического образа отечественного ученого.

Рассмотрение данной проблемы требует ряда предварительных замечаний, касающихся статуса ученых и науки в рассматриваемый период.

В военные годы советская наука благодаря поддержке государства не только сохранила, но и увеличила свой потенциал. Возросло, по сравнению с предвоенными годами, количество научных учреждений. Ослабление репрессий, диктата партийных чиновников и повышение авторитета профессионалов во всех сферах деятельности, усиление внутренней автономии и инициативы в научных коллективах, сотрудничество ученых и государственной власти, когда научной элите принадлежало решающее слово в определении стратегии научного поиска, были характерными чертами военного времени. Именно эти факторы обусловили существенный вклад советской науки в победу над фашистской Германией.

¹ *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. М., 1990. С. 94.

В годы войны шел активный процесс восстановления международных научных связей, преодоления изоляции от западных коллег.

Сразу после победы в разоренной и истощенной войной стране широко отмечалось 220-летие Академии наук СССР. В юбилейной сессии участвовали ученые девятнадцати стран. Мировой общественности были продемонстрированы достижения советской науки, отраженные в итоговых докладах. В.М. Молотов от имени государства говорил о перспективах международных научных связей¹.

В 1946 г. академиками стали ученые, ранее подвергавшиеся репрессиям: химики А.А. Баландин и П.А. Ребиндер, радиофизик А.И. Берг, филолог В.В. Виноградов, физики Л.Д. Ландау, П.И. Лукирский, историки В.И. Пичета и С.Б. Веселовский и др. В том же году защитил диссертацию будущий академик, биохимик с мировым именем, а тогда ссыльный А.А. Баев².

Особенно востребованными чувствовали себя те ученые, чьи изыскания непосредственно соприкасались с насущными государственными интересами. Начало ядерного века придало науке беспрецедентное политическое значение, превратив ее в один из важнейших элементов безопасности государства. После того как в США было создано, а затем применено в военных целях атомное оружие, 20 августа 1945 г. в СССР был образован специальный комитет для руководства «всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана» под руководством Л.П. Берии. Ученые имели новый мощный стимул в реализации советского атомного проекта — необходимость ликвидации американской ядерной монополии³. 13 мая 1946 г. было принято постановление Совета министров СССР о создании новой отрасли промышленности — ракетостроения. Ее развитие первоначально шло на базе использования немецких технологий и разработок в области дальнобойных и зенитных управляемых ракет.

Несмотря на некоторую либерализацию, контакты между советскими и зарубежными учеными искусственно ограничивались. В фонде ЦК ВКП(б) сохранилось множество писем с просьбой разрешить советским ученым зарубежные стажировки (за счет приглашающей стороны), дать согласие на вхождение в редколлегию зарубежных научных журналов. Заведующий отделом пропаганды и агитации Г.Ф. Александров, через которого данные просьбы проходили секретарям ЦК, как правило, писал: «Это предложение целесообразно отклонить»⁴.

Несколько проще было получить разрешение на участие в научной конференции, и то — каждая просьба детально изучалась сотрудниками ЦК. Так, в июле 1947 г., когда решался вопрос о составе советской делегации, возглавляемой академиком А.Н. Несмеяновым, на конференции Международного союза химиков в Лондоне, отклонили кандидатуру известного химика, к тому же бле-

¹ Судариков А.М. Российские ученые и международное сотрудничество в 1925–1960 гг. // Клио. 2005. № 1 (28). С. 176.

² См.: Левина Е.С. Узник ГУЛАГа защищает диссертацию // <http://liber.rsuh.ru/Conf/Stepeni/levina.htm>

³ См.: Рябов М.Д., Кудинова Л.И., Работнов Н.С. К истории советского атомного проекта // История советского атомного проекта. М., 1997. С. 23–39.

⁴ См., напр., Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 449, 545.

стяще владевшего английским языком А.Ф. Платэ. Органы безопасности против данной кандидатуры ничего не имели, однако отдел внешней политики ЦК ВКП(б) решил вместо А.Ф. Платэ («который является французом») послать под видом инженера химической промышленности сотрудника Министерства государственной безопасности, химика по образованию Л.Р. Квасникова¹. Традиция отправки на научные конференции в качестве секретаря советской делегации представителя данного министерства закрепились на многие годы.

В марте 1946 г., когда страна лежала в руинах, а население голодало, было объявлено о новом повышении зарплаты научным работникам, особенно занимавшим административные должности. В официальной справке о размере заработной платы действительных членов и членов-корреспондентов АН СССР указано, что ежемесячная зарплата академиков колеблется от 5 до 10 тыс. рублей (сюда включались оклад — 3000, надбавки за звание и занимаемые должности). Член-корреспондент получал оклад 1500 рублей, а с доплатами за звание и должность его зарплата составляла от 4 до 6 тыс. рублей². Зарплата ректора университета составляла 8 тыс. рублей, заведующего кафедрой — 6 тыс. рублей³. В том же году средняя зарплата в стране не превышала 600 рублей. Государство обеспечило ученых значительные преимущества в получении жилья, продуктов и одежды. По мнению историка науки А.Б. Кожевникова, уровень заработной платы и личные привилегии подняли ученых на несравнимую высоту, какой они не достигали ни раньше, ни позднее на протяжении всего советского периода⁴.

Неотъемлемой частью государственной научной политики являлись пропаганда науки, поддержка историко-научных исследований, которые продолжались даже в трудные военные годы. Комиссия по истории Академии наук подготовила «Очерки по истории Академии наук, 1725–1945» в семи выпусках, изданные в 1945 г. В феврале 1945 г. в Москве был организован Институт истории естествознания, ставший преемником существовавшего в Ленинграде с 1932-го по 1938 г. Института истории науки и техники АН СССР (основная часть сотрудников института во главе с его директором Н.И. Бухариным была репрессирована)⁵. Под эгидой вновь образованного института проводились сошествия по истории естествознания.

В 1947 г. было создано Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, позже переименованное в общество «Знание». Председателем правления общества стал президент АН СССР С.И. Вавилов. Костяк общества в столице и регионах составляли ученые. Они таким образом еще шире вовлекались в пропаганду научных знаний и достижений социализма. Большое

¹ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1922–1991/1922–1952/ Сост. В.Д. Есаков. М., 2000. С. 356.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 446. Л. 5.

³ Там же. Д. 543. Л. 141.

⁴ Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники (далее ВИЕТ). 1997. № 4. С. 52.

⁵ Подробнее об этом см.: Дмитриев А.Н. Институт истории науки и техники в 1932–1936 гг. (ленинградский период) // ВИЕТ. 2002. № 1. С. 3–36.

значение придавалось празднованию юбилеев русских ученых (Н.Е. Жуковского, И.В. Мичурина, К.Э. Циолковского и др.), научных открытий (например, пятидесятилетия изобретения радио А.С. Поповым). Юбилеи становились событиями государственной важности. Издавались многотомные собрания сочинений русских ученых, создавались многочисленные художественные биографии, научно-популярные и игровые фильмы¹.

Как известно, с 1946 г. после ряда постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам в стране началась борьба с космополитизмом (антипатриотизмом, низкопоклонством перед Западом). В постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград» указывалось на «несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада» и осуждались произведения, «проникнутые духом низкопоклонства по отношению ко всему иностранному»².

Активная борьба с космополитизмом в науке развернулась в 1947 г. Стартом данной борьбы стали т. н. суды чести, создаваемые в соответствии с мартовским 1947 г. совместным постановлением Совета министров СССР и ЦК ВКП(б). На суды чести возлагалось рассмотрение «антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий». Первым судом чести стал процесс профессоров Н.Г. Клюевой и Г.И. Роскина (дело «КР»), прошедший в июне 1947 г. в Министерстве здравоохранения СССР. Ученых, чей труд «Биотерапия злокачественных опухолей» еще в феврале того же года был удостоен высокой оценки Сталина и хвалебной рецензии в газете «Культура и жизнь»³, обвиняли в передаче рукописи книги в США. В течение трех дней чиновники от медицины и светила советской медицинской науки подвергали Клюеву и Роскина унижительному допросу и давлению. В итоге ученые, не признав своей вины, всё-таки вынуждены были произнести покаянные ритуальные слова о патриотизме, о заботе советского правительства и т. д.⁴

По мнению историка науки Н.Л. Кременцова, дело «КР» обозначило серьезное изменение в государственной научной политике. Концепция «двух наук», противостоящих друг другу, советской и западной, была возрождена⁵.

В июле 1947 г. были закрыты академические журналы, издававшиеся на иностранных языках. Мотивировалась акция тем, что данные журнальных публикаций

¹ Например, в честь столетия Н.Е. Жуковского были изданы/созданы его собрание сочинений в семи томах (М.—Л., 1948—1950), книга Е.В. Дружининой-Георгиевской «Человек летает. Биографическая повесть о жизни Н.Е. Жуковского» (Л., 1947.), художественный фильм «Жуковский» (1950, реж. В.И. Пудовкин). В 1946 г. в издательстве «Детская литература» вышла книга «Рассказы о науке и ее творцах. Хрестоматия для всех» под общей редакцией академика А.Е. Ферсмана.

² Хрестоматия по отечественной истории (1946—1995) / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. М., 1996. С. 440, 442.

³ Струков А. Выдающееся открытие советской науки (о книге Н.Г. Клюевой и Г.И. Роскина «Биотерапия злокачественных опухолей») // Культура и жизнь. 1947. 11 марта. С. 4.

⁴ Подробнее о деле «КР» см.: Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001; Кременцов Н.Л. В поисках лекарства против рака: Дело «КР». СПб., 2004.

⁵ Кременцов Н.Л. Советская наука и холодная война // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб., 2003. С. 842.

могут использоваться иностранной разведкой, что иностранные государства не издают свои научные журналы на русском языке. В научных и научно-технических журналах перестали печататься даже резюме на английском языке¹. Организация зарубежной публикации для советского ученого, в том числе высокостатусного, была связана с многочисленными препонами. В архиве РАН сохранилось письмо академика Е.Н. Павловского от 30 октября 1949 г., адресованное в иностранный отдел АН СССР. Именитый зоолог и энтомолог просит разрешить передать в Париж два доклада для последующей публикации; текст докладов предварительно был «согласован с Главлитом через иностранный отдел министерства высшего образования»².

В ходе первой по времени «научной дискуссии» — обсуждения книги начальника управления агитации и пропаганды (Агитпропа) ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии» — секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов фактически прямо обвинил Александрова в антипатриотизме и низкопоклонстве и адресовал этот упрек всем философам. Г.Ф. Александров, в свою очередь, назвал «безродным космополитом» Б.М. Кедрова — главного редактора журнала «Вопросы философии». В книге «Энгельс и естествознание» Кедров имел неосторожность заявить, что «не считает вопросы приоритета существенными для истории науки», а национальность ученого является «посторонним науке соображением»³.

В такой обстановке задачей номер один стала не просто пропаганда достижений, а утверждение повсеместного приоритета отечественной науки. Данная задача была бы невыполнима без дискредитации науки зарубежных, прежде всего западных, стран. В прессе и официальных документах различных уровней тиражировалась мысль о том, что наука и культура Запада находятся «в состоянии маразма и разложения»⁴. Данный мотив обязательно присутствовал в книгах, журнальных, газетных очерках. Наиболее рельефно идея противостояния советской и буржуазной науки и превосходства первой воплотилась, на наш взгляд, в рецензиях на новейшие историко-научные исследования, одним из которых был двухтомник «Люди русской науки».

Споры о «Людах русской науки» как поиски биографического идеала

Среди печатной продукции советского периода, предлагающейся покупателям в сети Интернет, имеется издание «Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники» в двух книгах под редакцией И.В. Кузнецова с предисловием президента Академии наук СССР С.И. Вавилова. Первая книга с подзаголовком «Физико-математические науки, химические, геологические,

¹ Блох А.М. Советский Союз в интерьере Нобелевских премий. Факты. Документы. Размышления. Комментарии. М., 2005. С. 208.

² Архив Российской Академии наук. Ф. 579. Оп. 3. Д. 52. Л. 105.

³ Цит. по: Сонин А.С. Несколько эпизодов борьбы с «космополитизмом» в физике // Вестник РАН. 1991. Т. 61. № 12. С. 103–114.

⁴ См., напр.: На страже мирного труда // Театр. 1950. № 10. С. 8.

географические, медико-биологические и сельскохозяйственные науки, техника, архитектура» содержит 642 страницы, вторая — «Медико-биологические и сельскохозяйственные науки» — 554¹ страницы. Книги имеют твердый переплет, увеличенный формат. Опубликованы они Государственным издательством технико-теоретической литературы тиражом 30 тыс. экземпляров в 1948 г. Цена двух томов составляла 55 рублей, что в то время соответствовало примерно одной десятой среднемесячной зарплаты по стране или одной пятой среднестатистической студенческой стипендии.

Первое, что бросается в глаза при непосредственном знакомстве с книгой, — высококачественные бумага и обложка, безукоризненные иллюстрации (портреты)², блестящий авторский состав. Книга в основном была подготовлена в 1946 г. Начавшиеся идеологические кампании актуализировали публикацию. К организации издания подключились государственные деятели «первого эшелона». Вопрос об отпуске двухсот тонн типографской бумаги № 1 и других материалов поднимался в письме заместителя председателя Совета министров СССР К.Е. Ворошилова его коллеге Н.А. Вознесенскому (последний был не только высокопоставленным чиновником, но и талантливым ученым-экономистом). При этом Ворошилов подчеркивал: в книге приведены «многочисленные свидетельства того, что многие открытия и изобретения, носящие имена иностранцев, принадлежат русским ученым»³. Однако мнения экспертов по поводу патриотической доминанты издания были не столь однозначными.

Рецензировать книгу поручили Д.И. Чеснокову и А.А. Зворыкину, людям неслучайным в области историко-научных исследований и близким к сталинскому окружению. Д.И. Чесноков в период рецензирования завершал работу над собственной книгой «Мировоззрение Герцена» (позже удостоенной Сталинской премии); в конце 1952 — начале 1953 г. он был членом Президиума ЦК ВКП(б), долгое время преподавал в МГУ, написал *до сих пор активно цитируемый учебник «Исторический материализм»*.

А.А. Зворыкин, судя по библиографическому списку его работ, был специалистом по истории техники. Он возглавлял секцию истории естествознания и техники в Обществе по распространению политических и научных знаний⁴. По поручению общества Зворыкин подготовил лекцию «О советском патриотизме в науке», переработанная стенограмма которой была опубликована в ноябре 1948 г. в журнале «Большевик». Статья стала в своем роде программной; она аккомпанировала основные постулаты официальной политики, риторические нор-

¹ Нумерация страниц в первой и второй книгах — сплошная, оглавление и именной указатель — один на две книги.

² После кратких предисловий были помещены портреты В.И. Ленина и И.В. Сталина. Каждый раздел предваряли портреты ученых, с точки зрения создателей олицетворявших соответствующую отрасль знания. Физико-математический раздел открывался портретом М.В. Ломоносова, химический — Д.И. Менделеева, геологический — А.П. Карпинского, географический — П.П. Семенова-Тян-Шанского, медико-биологический и сельскохозяйственный — И.П. Павлова и И.В. Мичурина, техники — Д.К. Чернова, архитектуры — В.И. Баженова.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 545. Л. 118.

⁴ См.: Наука и жизнь. 1948. № 4. С. 48.

мы ее выражения¹. В связи с подготовкой второго издания Большой советской энциклопедии в 1949 г. А.А. Зворыкин был назначен заместителем ее главного редактора — С.И. Вавилова.

8 июля 1947 г. заместитель начальника Агитпропа Д.Т. Шепилов получил от Д.И. Чеснокова рецензию на книгу «Люди русской науки». «Книга имеет огромную ценность», — сообщал рецензент. Далее следовал перечень недостатков:

Подавляющее большинство очерков выдержано в духе «беспристрастного объективизма» и беспартийности. Лишь иногда проскальзывают сообщения об участии того или иного русского ученого в революционном движении (в очерках о Ляпунове, Сеченове, Мечникове, Тимирязеве), но и эти замечания делаются «вскользь». Читатель книги не вынесет убеждения, что расцвет русской науки в царской России XIX века был обусловлен, в конечном счете, размахом революционно-освободительной борьбы. Нет показа «органической связи» русской науки с демократическим движением.

Слабо показаны идейность русских ученых, мировоззренческое значение их открытий, их борьбы за научное материалистическое мировоззрение.

В библиографических справках обстоятельно сообщается, где у каких иностранных ученых учились или работали деятели русской науки, <...> перечисляется, на какие языки переведены работы русских ученых и в какие академии и ученые общества за границей они избирались. Неудовлетворительно освещена борьба представителей русской науки против преклонения перед иностранщиной.

Совершенно неудовлетворительно показано значение Великой Октябрьской социалистической революции для развития русской науки. Показателен в этом отношении очерк об И.П. Павлове. Известно, что вершины своей творческой деятельности академик Павлов достиг в советский период. Его работы в области физиологии высшей нервной деятельности были успешно осуществлены благодаря вниманию и заботам советского правительства.

Книга нуждается в тщательном редактировании².

В отзыве А.А. Зворыкина отмечалось, что недостатки книги во многом обусловлены ее написанием и редактированием полтора-два года назад: «Сейчас, после письма ЦК ВКП(б) в связи с делом Роскина-Клюевой, стали неизмеримо глубже понимать особенности развития науки и техники в России и СССР». Рецензент отмечал переоценку иностранного влияния на русских ученых, недостаточное внимание советскому периоду в истории отечественной науки (только 34 очерка из 127 в той или иной мере касались советского времени). Зворыкин полагал, что «в самом построении книги и материалах очерков надо показать, что дореволюционное время было предысторией отечественной науки и техники...»³.

¹ Большевик. 1948. 30 ноября. № 22. С. 23–42. В конце статьи автор подвел своеобразный итог: «Не подлежит сомнению, что вопросы, связанные с установлением и доказательством научного приоритета нашей страны, являются сейчас важнейшими для дела воспитания советского патриотизма и самым тесным образом связаны с той борьбой, которая идет между миром социализма и миром капитализма» (с. 41).

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 545. Л. 121–122.

³ Там же. Л. 124–126.

Итак, рецензентами были высказаны серьезные с точки зрения текущих идеологических проектов замечания. Они сводились в основном к недооценке роли революции и партийно-государственной политики в развитии отечественной науки и переоценке влияния западной науки на российских ученых. То есть, по версии рецензентов, в идеальном историко-научном издании трансляции ни в какой форме не подлежало то очевидное обстоятельство, что российские ученые осознавали себя членами не только отечественного, но и международного научного сообщества, входили в зарубежные общества и академии, активно публиковали свои труды в зарубежных научных журналах, проводили по несколько лет в европейских научных центрах и т. д. Кроме того, читатель не должен был сомневаться в участии ученых в революционном движении или сочувствии ему. Из исторической памяти стирался тот факт, что лишь единицы из числа ученых поддерживали социал-демократов, что далеко не все приветствовали Октябрьскую революцию и успешно адаптировались к новому режиму. Репрессии советской власти против деятелей науки не упоминались вообще. Разумеется, невозможны были даже намеки на религиозность русских ученых.

Рассмотрев замечания Д.И. Чеснокова и А.А. Зворыкина, отдел науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «признал их совершенно правильными», о чем и доложил начальник отдела, недавний выпускник МГУ Ю.А. Жданов в секретариат своего отца А.А. Жданова¹. Тем не менее Жданов-старший разрешил издание книги «Люди русской науки» «под ответственность Академии наук»². Скорее всего, такое решение было обусловлено важностью и своевременностью книги, а также высоким авторитетом ее авторов, среди которых было много ведущих советских ученых, в том числе и президент АН СССР.

В итоге книга без каких-либо серьезных правок вышла в свет. Реакцией на отдельные замечания рецензентов отчасти можно считать предисловие и вступительную статью С.И. Вавилова, а также издательское предисловие. В предисловии президент АН СССР отметил неполноту сборника, отсутствие в нем биографий деятелей общественных наук, наличие сведений, главным образом, о дореволюционных ученых. В издательском предисловии отмечалось, что добиться унификации изложения материала было трудно из-за большого числа авторов. Что касается творчества ныне здравствующих советских ученых, то отразить его было нереально «в пределах одной книги»³.

Большой интерес представляет вступительная статья С.И. Вавилова «Советская наука на службе Родины». Ранее она вышла отдельным изданием под названием «Тридцать лет советской науки», но была отредактирована и дополнена непосредственно перед отправкой рукописи книги «Люди русской науки» в типографию. Это, по сути, краткий очерк истории отечественной науки. Важней-

¹ Там же. Л. 128.

² Об этом сообщено в письме С.Г. Суворова секретарю ЦК и заведующему Агитпропом ЦК ВКП(б) М.А. Сулову от 3 октября 1947 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 545. Л. 127). Книга была подписана в печать уже после смерти А.А. Жданова и отпечатана в 1-й Образцовой типографии, носящей имя А.А. Жданова. На обложке книги было указано: «Книга „Люди русской науки“ рассмотрена и одобрена Академией наук СССР».

³ От издательства // Люди русской науки (далее ЛРН). Кн. 1. С. 13–14.

шей вехой в ее становлении признается деятельность Петра I. Преемники Петра и в целом правящие классы дореволюционной России обвинялись «в лучшем случае в невнимательном, небрежном отношении» к вопросам науки, в «насаждении низкопоклонства перед иностранной наукой», незначительной материальной поддержке науки¹. Отдельно рассматривалась «классовая особенность» русской науки: «В науку с большей охотой шли главным образом „низы“ — дети крестьян, мелких чиновников, всякого рода разночинцев. Господствующие классы — богатое дворянство и буржуазия — редко отпускали своих детей учиться. Вследствие этого естественного классового отбора среди русских ученых определенно ясно выраженная демократическая прослойка, с ее, правда, робкой и открытой, но всё же несомненной и постоянной оппозицией классово-враждебному правительству»².

В статье С.И. Вавилова представлено институциональное многообразие русской дореволюционной науки в виде университетской, академической науки, научных обществ, охарактеризованы важнейшие достижения русских ученых. С.И. Вавилов отмечал, что «над русскими учеными постоянно тяготело сознание оторванности от родной почвы, вызванное всем общественным строем старой России». Революция, «разрушившая барьер между наукой и народом», была понята и оценена с точки зрения перспектив развития науки «основной массой ученых», которые «скоро приступили к работе в новых условиях»³. Несколько абзацев отведено восхвалению мичуринского учения, дважды приводится имя «преемника» И.В. Мичурина Т. Д. Лысенко. О недавно прошедшей августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., ставшей кульминацией разгрома отечественной генетики, упоминается вскользь как о «примере борьбы советских ученых с реакционной идеологией»⁴. Разумеется, славились великие ученые В.И. Ленин и И.В. Сталин.

Несмотря на наличие традиционных для второй половины 1940-х гг. клише и теоретических положений, очерк существенно отличается от историко-научных «агиток», распространенных в то время. В нем нет открытых нападок на западную науку и ее отечественных адептов — космополитов⁵. Президент АН СССР — родной брат репрессированного генетика (а по терминологии 1948 г. «вейсманиста-морганиста»), «полпреда» советской науки за рубежом Н.И. Вавилова — обошелся минимумом необходимых фраз.

Сами биографические очерки, подготовленные, как указывалось выше, до начала идеологических кампаний, соответствовали советской биографической традиции. Однако стремление к научности в изложении материала превалировало над стремлением сделать из ученых стихийных или сознательных революционеров (не напрасно рецензент Д.И. Чесноков обвинил авторов в бесстрастном

¹ Вавилов С.И. Советская наука на службе Родины // ЛРН. Кн. 1. С. 24, 28.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 32, 34.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Сам президент АН СССР С.И. Вавилов, как правило, читал книги (и научные, и художественные) на немецком и французском языках, а из русских изданий предпочитал дореволюционные. Об этом свидетельствуют создаваемые им в конце каждого месяца списки прочитанных книг. См.: Вавилов С.И. «Мысль об эволюции мира — единственное абсолютное, за что еще можно держаться сознанием» (дневники 1939—1951 гг.) / Публ. В.М. Орел, Ю.И. Кривоносов // ВИЕТ. 2004. № 2. С. 47—50.

объективизме и беспартийности). В очерках представлены живые портреты ученых. Авторы включали в тексты сведения о родителях (правда, в ряде случаев дворянское происхождение не обозначалось, например, в очерке Б.В. Гнеденко о знаменитом математике П.Л. Чебышеве), об основных вехах биографии и творчества, научных открытиях, манере общения с коллегами и учениками, чтения лекций, о семьях ученых.

В качестве подтверждения патриотизма русских ученых приводились примеры непринятия ими соблазнительных предложений зарубежных коллег: приглашений на работу (А.С. Попов), продажи коллекций (И.В. Мичурин) и т. д. Авторы биографий не отрицали благотворного влияния зарубежных ученых, зарубежных стажировок на деятелей русской науки. В очерке о С.В. Ковалевской П.Я. Полубаринова-Кочина отмечала активное участие знаменитого немецкого математика К. Вейерштрасса в научном становлении и признании заслуг выдающейся русской женщины. Особенно выделялся стокгольмский период, на который приходится «расцвет научной и литературной деятельности С. Ковалевской»¹. Временем «зрелости, общего признания и мировой славы» называет Г.К. Хрущев двадцативосьмилетний парижский период жизни И.И. Мечникова².

По причине написания очерков в относительно либеральный период в тексте не употреблялись такие определения, как «космополит», «низкопоклонство» и пр. В очерке Е.Я. Щеголева об А.С. Попове сообщается о посещении русским ученым Чикаго и знакомстве там с последними достижениями электротехники и физики, в частности с опытами Г. Герца³. А.А. Космодемьянский, автор очерка об «отце русской авиации», упоминает о трехмесячном пребывании В.Е. Жуковского во Франции, его плодотворном общении с молодыми французскими математиками, об изучении опытов и формы профиля крыла планера немецкого инженера, одного из пионеров авиации О. Лилиентала⁴.

Традиционный посыл — «мечтам ученого суждено было осуществиться только после Великой Октябрьской социалистической революции» — в очерках представлен, но не гипертрофирован. Фрагменты о революции предпочел опустить П.К. Анохин в статье об И.П. Павлове. Приводится только диалог знаменитого физиолога с А.М. Горьким в связи с выдачей дополнительных пайков ученым в 1919 г. В то время многие еще помнили И.П. Павлова как «преуспевающего диссидента»⁵, открыто критиковавшего большевиков. В книге отсутствуют сюжеты, связанные с эмиграцией ученых сразу после революции и в 1920–1930-е гг. В очерке К.А. Власова о недавно умершем академике В.И. Вернадском упоминается жена, «с которой ученый счастливо прожил 55 лет», но нет ни слова о плодах этого брака — детях (в том числе о сыне — профессоре Г.В. Вернадском), живших в эмиграции.

¹ Полубаринова-Кочина П.Я. Софья Васильевна Ковалевская // ЛРН. Кн.1. С. 169.

² Хрущев Г.К. Илья Ильич Мечников // Там же. Кн. 2. С. 728.

³ Щеголев Е.Я. Александр Степанович Попов // Там же. Кн. 1. С. 195.

⁴ Космодемьянский А.А. Николай Егорович Жуковский // Там же. С. 158.

⁵ Так назвал И.П. Павлова историк науки Д. Годес. См.: *Тодес Д.* Павлов и большевики // ВИЕТ. 1998. № 3. С. 26–59.

Сразу после публикации книги появилась рецензия на нее в главном партийном журнале страны «Большевик»¹. Автор рецензии выделил отдельные недостатки в изложении материала (схематизм, сухость, слабый показ исторической обстановки в отдельных очерках), излишнюю краткость очерков о корифеях российской науки, отсутствие биографий ряда деятелей науки. В целом издание было высоко оценено; о просчетах идеологического характера не упоминалось. Вероятно, критика академического издания энциклопедического характера (в отличие от отдельных монографий, которые критиковались почти в каждом номере «Большевика» за недооценку вклада отечественной науки в мировую) могла носить только «внутренний» характер и не выносилась на публичное обозрение. Характерна заключительная фраза автора рецензии: «Знание истории передовой русской науки помогает в борьбе против проявлений низкопоклонства перед буржуазной культурой, против буржуазного космополитизма»². Это «перепев» резюме опубликованной три месяца назад в этом же журнале статьи А.А. Зворыкина «О советском патриотизме в науке» и докладов, звучавших на январской 1949 г. сессии АН СССР, посвященной истории отечественной науки.

Полемика вокруг издания книги «Люди русской науки» интересна, прежде всего, с позиций формирования в сталинском обществе канонических образов русских ученых и соответственно правил написания их биографий. Процесс этот вошел в активную стадию с середины 1930-х гг. Н.Л. Кременцов отмечает, что появление официально утвержденных в каждой отрасли науки имен «отцов-основателей», учение которых признавалось высшим, неоспоримым авторитетом, было важной составляющей установления научной ортодоксии³. В условиях свертывания международных научных связей во второй половине 1930-х патриотизм русских ученых, их материалистическое мировоззрение, практическая польза их научных открытий поднимались на щит. Разумеется, претенденты на роль «отцов-основателей» подвергались тщательной политической «фильтрации» (по принципу отношения к царской власти, марксизму, большевикам, эмиграции и пр.). Выбор был делом ответственным и непростым. Пожалуй, идеально соответствовал всем параметрам лишь К.А. Тимирязев, который и стал прототипом главного героя первого советского культового фильма об ученом «Депутат Балтики» (1936, режиссеры А.Г. Зархи, И.Е. Хейфиц).

В послевоенном СССР, в связи с беспрецедентной заинтересованностью власти в пропаганде достижений отечественной науки, вопросы создания соответствующих официальному канону биографий ученых еще более актуализировались. Дискуссия о «Людах русской науки» — далеко не единичный факт. Почти каждое издание рецензировали требовательные по части идеологической чистоты эксперты, и их замечания были стандартными. Например, А.Д. Поповский, автор опубликованных в 1946–1949 гг. биографий И.П. Павлова, Т. д. Лысенко

¹ Поляков И. Книга о выдающихся деятелях российской науки // Большевик. 1949. № 4. 28 февр. С. 64–73.

² Там же. С. 73.

³ Kremenstov N. Stalinist Science. Princeton, 1997. P. 50–51.

и других ученых¹, пожаловался секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Сулову и И.В. Сталину на то, что его новая книга не издается. Чиновники Агитпропа В.С. Кружков и Ю.А. Жданов информировали М.А. Сулова о ряде ошибок и недостатков рукописи А.Д. Поповского, в частности о том, что «чрезмерно обильно приводятся мнения иностранных ученых... о деятелях русской науки», «подробно перечислено, какие иностранные общества избрали того или иного русского ученого своим членом»². Тем не менее книга вскоре была опубликована тиражом 45 тыс. экземпляров³.

В газетах «Правда», «Культура и жизнь», «Советское искусство», в журнале «Большевик» и других с завидным постоянством печатались разгромные публикации. Вот названия некоторых из них: «Искаженная Летопись»⁴, «Раболепие и безыдейность»⁵, «Против космополитических извращений истории русской экономической мысли»⁶. Рецензенты обвиняли авторов книг в забвении славного исторического прошлого российской науки, в симпатиях к буржуазным ученым и прочих подобных грехах.

Сам рецензент книги «Люди русской науки» и автор «классических» лекции и статьи о советском патриотизме в науке А.А. Зворыкин подвергся серьезной критике за опубликованную в 1949 г. книгу об истории разработки угольных месторождений в России. Страницы ее, по мнению рецензентов, «сплошь пестрели иностранными фамилиями» и создавали у читателя «неправильное представление о том, что главная роль в открытии и разработке каменного угля в России будто бы принадлежала иностранцам»⁷.

Пропаганда славного прошлого и настоящего отечественной науки рассматривалась как важный компонент патриотического воспитания и образования советской молодежи, главным образом студенчества. Данному вопросу будет посвящен следующий сюжет.

¹ Поповский А. 1) Павлов. Серия ЖЗЛ. М., 1946; 2) Искусство творения. М., 1948; 3) Во имя жизни. М., 1949. Интересно, что сын А.Д. Поповского — М.А. Поповский (1922—2004) тоже популяризировал историю российской/советской науки. Член союзов советских писателей и советских журналистов, он активно участвовал в диссидентском движении, а в 1977 г. эмигрировал. За рубежом были изданы его книги: «Управляемая наука» (1978), «Жизнь и жите Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга» (1979), «Дело академика Вавилова» (1983) и др.

² РГАСПИ Ф. 17. Оп. 132. Д. 348. Л. 5—6.

³ Поповский А.Д. Восстановим правду: Заметки писателя о русской науке / Предисл. д-ра мед. наук действ. чл. Акад. наук БССР Н.И. Гращенкова и д-ра хим. наук действ. чл. Акад. наук БССР Н.Ф. Ермоленко. М., 1950. Кн. 1. Само название книги символично. В предисловии белорусские ученые раскрыли его смысл: «Мы и впредь не позволим буржуазным лакеям создавать версии об их мнимом превосходстве в науке за счет открытий и идей русского народа» (с. 4).

⁴ Статья В. Шамшура о книге Ф. Вейткова «Летопись электричества» (Культура и жизнь. 1947. 30 ноября. С. 4).

⁵ Статья Н. Гращенкова и Г. Смирнова о книге Д.Л. Рубинштейна «Общая физиология» (Культура и жизнь. 1947. 20 нояб. С. 4).

⁶ Статья П. Хромова о книге В.М. Штейна «Очерки развития русской общественно-экономической мысли» (Большевик. 1949. № 5. С. 70—76).

⁷ Пашин А., Федоров Г. Об исторических документах и их исследовании // Культура и жизнь. 1949. 21 октября. С. 3.

Историко-научная тематика и дискредитация буржуазной науки в вузовских курсах: желаемое и действительное

Студенческая среда середины и второй половины 1940-х гг. отличалась значительным своеобразием. Наряду со вчерашними школьниками в вузы пришли демобилизованные воины, прошедшие войну. И те и другие жили, как собственно большинство советских людей, в атмосфере эйфории, связанной с недавней Победой, испытывая, выражаясь словами К. Симонова, состояние «идеологической радужности».

Студенческая молодежь, как необычайно восприимчивая ко всему новому и критически осмысливавшая происходящее часть общества, привлекала повышенное внимание различных идеологических и подчиненных им инстанций. Несмотря на то, что подавляющее большинство молодежи искренне гордилось своей родиной и ее общественным строем, уже в 1945 г. на пленуме ЦК ВЛКСМ звучала тревога по поводу проникновения чуждого влияния в молодежные ряды. Носителями и потенциальными проводниками объективной информации о «загнивающем» Западе в студенческой среде могли быть фронтовики. Определенную угрозу представляли и те, кто пережил оккупацию.

Средствами против инакомыслия в вузах, по мнению партийных руководителей, должны были стать, во-первых, жесткий идеологический контроль, во-вторых, борьба с «низкопоклонством» перед западной культурой путем пропаганды отечественных достижений, утверждения приоритета русских (советских) ученых, деятелей культуры и т. д. во всех сферах. В связи с постановлениями 1946 г. по вопросам литературы и искусства, крамольным считался интерес к тому, что не укладывалось в рамки социалистического реализма.

Первые послевоенные заседания ученых советов вузов, где озвучивались всесоюзные директивы, нацеливали преподавателей на необходимость «выкорчевывания всяких взглядов, принижающих русскую культуру и восхваляющих западную, искажающих историю великого русского народа, его значение в мировой истории, культуре и науке»¹. Сам лозунг возражений не вызывал; он был воспринят как акцент на патриотическое воспитание молодежи.

Преподаватели вузов в большинстве своем постепенно усвоили главное правило игры в условиях борьбы с «низкопоклонством»: пропагандировать исключительно отечественные достижения. Однако желание дать студентам объективную картину явлений и процессов притупляло «бдительность» педагогов. На заседании кафедры русской литературы Краснодарского пединститута коллеги осудили преподавателя В. Бовыкину, сказавшую на лекции, что стихи Н. Некрасова о Парижской коммуне были написаны под воздействием романа В. Гюго «Страшный год»². В том же вузе преподаватель З. Чеснюк подробно рассматривала американский опыт использования экскурсионного метода в преподавании истории. Обсуждая этот факт, ее коллеги приняли следующую резолюцию: «Совершенно не нужно и даже вредно

¹ Данное постановление было принято на первом послевоенном заседании ученого совета Краснодарского пединститута. См.: Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. Р–68. Оп. 2. Д. 8. Л. 4 об.

² Там же. Д. 13. Л. 128.

ставить вопрос об опыте зарубежных стран»¹. Профессор Н. Соколов на заседании совета Краснодарского института пищевой промышленности высоко оценил опыт американских вузов, заявив, что их «оборудование и оснащенность может служить образцом для нас», за что подвергся серьезной критике со стороны коллег².

14 января 1948 г. вышел приказ министра высшего образования СССР № 63 «О преподавании истории науки и техники в вузах». Копии приказа были разосланы во все вузы. «В целях воспитания всесторонне развитых советских специалистов, знающих историю отечественной науки и техники, беззаветно преданных Родине и способных вести борьбу против раболепия и низкопоклонства перед иностранной наукой и техникой» в ряде вузов уже в 1948–1949 гг. вводились курсы по истории техники и по истории отдельных наук. При чтении курсов истории науки и техники необходимо было уделять особое внимание развитию советской науки и техники и показу приоритета отечественных новаторов в важнейших открытиях и изобретениях³.

В учебных заведениях Эстонской, Латвийской, Литовской и Молдавской ССР предполагалась организация силами ученых Москвы и Ленинграда циклов лекций по истории отечественной науки и техники. На осень 1948 г. планировался созыв совещания по преподаванию истории науки и техники в вузах. Намечалась публикация учебника по общему курсу истории техники для вузов, библиографических справочников, классических работ отечественных ученых, создание соответствующих кабинетов в вузах. Директорам вузов вменялась в обязанность систематическая публикация в ученых записках, трудах и журналах учебных заведений работ по истории науки и техники⁴.

Судя по тексту приказа, наиболее солидный опыт в плане преподавания науки и техники был накоплен в Ленинградском политехническом институте им. Калинина. На него и следовало опираться другим вузам. Курсы по истории отдельных наук вводились в ведущих университетах страны — МГУ и ЛГУ, курсы по истории техники — в Ленинградском политехническом, Московском горном им. Сталина, Московском авиационном им. Орджоникидзе, Ленинградском горном, Киевском политехническом, Львовском политехническом институтах, МВТУ им. Баумана, Ленинградской лесотехнической академии им. Кирова⁵.

Отсутствие специальных курсов в других вузах не освобождало преподавателей от обращения к вопросам истории науки и техники. Например, совет Краснодарского института пищевой промышленности, получив копию рассмотренного выше приказа министра, вынес постановление «разработать четкий план по обеспечению при проведении общих и специальных дисциплин на всем протяжении каждого курса всестороннего и систематического освещения передовой роли русской и особенно советской науки, техники и культуры <...>, разработать план цикла лекций о роли отечественных новаторов в развитии науки, техники и культуры»⁶.

¹ Там же. Д. 38. Л. 14.

² ГАКК. Ф. Р–1329. Оп. 1. Д. 72. Л. 57 (об.).

³ Там же. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ Там же. Л. 18.

⁶ Там же. Л. 12.

В «Вестнике высшей школы» заместитель министра высшего образования СССР А.М. Самарин кратко обрисовал основные моменты, на которых должны были акцентировать внимание преподаватели, доказывая студентам приоритет отечественной науки. Приведем особенно красноречивый фрагмент из его характеристики буржуазной науки: «Растленная буржуазная наука стремится распространить свое тлетворное влияние не только на народы своих стран, она протягивает свои грязные шупальца к нашей передовой советской науке. Буржуазные ученые приходят в бешенство от одного упоминания, что принцип партийности является основой развития не только науки социалистического государства, но всякой науки вообще»¹. Всесоюзные «научные дискуссии» конца 1940-х — начала 1950-х гг., направленные, по сути, против буржуазной науки и ее отечественных адептов, корректировали основные направления критики буржуазной и апологетики отечественной науки.

Учитывая регулярные проверки конспектов лекций, посещения лекций и семинарских занятий комиссиями во главе с партийными руководителями и членами кафедр марксизма-ленинизма, а также повышенную политическую «чувствительность» некоторых студентов, преподаватели вынуждены были быть начеку. С учетом политических колебаний контролировались планы, списки литературы и вопросов, тексты лекций. Имеющиеся в Государственном архиве Краснодарского края стенограммы лекций свидетельствуют о том, что преподаватели, подготавливая открытые лекции, четко следовали инструкциям об историко-научном компоненте. Боясь обвинений в низкопоклонстве, некоторые намеренно пропускали фамилии выдающихся зарубежных исследователей. Например, в рецензии на стенограмму вводной лекции по электротехнике заведующего кафедрой энергетики Краснодарского института пищевой промышленности Туманьяна, написанной его коллегой из Ленинградского института холодильной и молочной промышленности Горяиновым, отмечалось, что лектор, даже не упомянув Гальвани и Вольта, приступил к характеристике открытий В.В. Петрова².

Преподаватели послушно включали все требуемые от них так называемые методологические темы в план, но реально их не вычитывали, экономя время на изучение собственно дисциплины. Проверяющие Краснодарского крайкома ВКП(б) в 1949 г. обнаружили в местном институте пищевой промышленности следующие факты. Из программы по неорганической химии были реально выброшены такие темы, как «Ф. Энгельс о периодической системе», «Периодическая система Д.И. Менделеева как крупнейший триумф материалистической диалектики в естествознании», «Роль советских ученых в изучении катализа». Кроме того, профессор предложил доцентам опускать в преподавании вопросы идеологического характера³.

Всякие попытки самостоятельно разобраться в уже решенных сверху аспектах научной проблемы пресекались. Официальные выводы необходимо было

¹ Самарин А.М. Высшая школа в борьбе за приоритет советской науки // Вестник высшей школы. 1948. № 3. С. 7.

² ГАКК Ф. Р-1329. Оп. 1. Д. 103. Л. 105.

³ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее ЦДНИКК). Ф. 1774-А. Оп. 3. Д. 1836. Л. 62.

принимать как данность. Сам по себе вопрос преподавателя на семинарском занятии в Кубанском медицинском институте: «Что доказали Морган и Вейсман?» вызвал бурю гнева у проверяющих коллегу-биолога гуманитариев, полагавших, что подобные вопросы ведут к идеологическим ошибкам, «так как Морган и Вейсман в своих „учениях“ ничего не доказали»¹. Независимо от тематики для удовлетворения требований «цензоров» использовались дежурные аргументы и цитаты. Судя по документам, особой популярностью пользовались знаменитые строчки М.В. Ломоносова о российской земле, способной рождать «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов».

Чтение специальных курсов в целом стимулировало научно-исследовательскую деятельность в области истории отечественной науки и техники. В вузах, вошедших в министерский список, защищались соответствующие диссертации, издавались монографии, сборники документов, серии книг о выдающихся деятелях науки и техники. Однако кампанейщина во внедрении историко-научного компонента в учебный процесс, гипертрофированно идеологический подход к его содержанию способствовали формальному отношению большинства преподавателей к данному направлению.

Создание идеальных с точки зрения идеологических канонов биографий ученых в рамках историко-научного нарратива было задачей практически невыполнимой. Возможности художественной литературы, а особенно драматургии и кино, были значительно шире. Об этом речь пойдет в следующем, завершающем сюжете.

Биографии ученых в театре и кино. «Софья Ковалевская» братьев Тур как пример «творческого» подхода к биографии

К борьбе с буржуазной наукой и пропаганде приоритета отечественной науки оперативно подключились, получив соответствующие указания, деятели литературы и искусства. За короткий промежуток времени были созданы и опубликованы, поставлены, экранизированы десятки повестей, пьес, спектаклей и фильмов. В их основе, как правило, лежали или биографии известных отечественных ученых, или сюжеты о современных советских научных учреждениях — арене борьбы «своих» и «чужих». Пьесы и сценарии фильмов переписывались и «доводились до кондиции» в соответствии с последними идеологическими веяниями, пожеланиями политиков и генералов от искусства. Например, лично Сталин подкорректировал финал пьесы К. Симонова «Чужая тень».

Среди фильмов, основанных на биографиях русских ученых, — «Пирогов» (1947, реж. Г. Козинцев, сцен. Ю. Герман), «Миклухо-Маклай» (1947, реж. А. Разумный, сцен. В. Волькенштейн и А. Спешнев), «Мичурин» (реж. и сцен. А. Довженко), «Академик Иван Павлов» (1949, реж. Г. Рошаль, сцен. М. Папава), «Александр Попов» (1949, реж. А. Раппапорт, В. Эйсымонт, сцен. А. Разумовский), «Жуковский» (1950, реж. В. Пудовкин, Д. Васильев, сцен. А. Гранберг), «Пржевальский» (1951, реж. С. Юткевич, сцен. А. Спешнев, В. Швейцер). На те-

¹ Там же. Оп. 4. Д. 1901. Л. 138.

атральных сценах шли пьесы «Жизнь в цвету» (об И.В. Мичурине) А. Довженко, «Софья Ковалевская» («Цель жизни») братьев Тур.

Рассмотрим авторские технологии в работе с биографиями ученых на примере пьесы популярных в те годы драматургов братьев Тур (Петра Рыжя и Леонида Тубельского) «Софья Ковалевская». Это было единственное представление реальной женщины-ученого в потоке биографических спектаклей и фильмов. В то же время на экранах страны с огромным успехом шли фильмы «Сердца четырех» и «Весна», где главные героини в блестящем исполнении Л. Орловой и В. Серовой убедительно доказывали успешность инсталляции женщин в научное сообщество Страны Советов.

Постановки пьесы были осуществлены в 1948 г. в Московском театре имени Ленинского комсомола, Ленинградском театре комедии, в театрах Киева, Ташкента, Саратова, Челябинска, Краснодара и других городов. К созданию спектаклей режиссеры и актеры подходили серьезно, осознавая степень ответственности не только перед зрителями, но и перед «заказчиками». На роль главной героини подбирались наиболее известные актрисы.

В Московском театре им. Ленинского комсомола роль С. Ковалевской сыграла В. Серова. Личность актрисы — вдовы знаменитого летчика А. Серова, жены и адресата стихов известного поэта К. Симонова, исполнительницы главных ролей в популярной комедии второй половины 1930-х гг. «Девушка с характером», лирической ленте военных лет «Жди меня» — традиционно ассоциировалась с реальными и вымышленными любовными историями, что подогревало зрительский интерес к актрисе. В фильме «Сердца четырех» Серова создала образ строгого доцента, математика Галины, не сумевшей тем не менее «уйти от любви». Работая над ролью Софьи Ковалевской, В. Серова, бывшая в жизни не в ладах с математикой, основательно изучила разнообразные документы, связанные с жизнью и творчеством Ковалевской, и в спектакле выглядела очень убедительно — как прирожденный математик¹.

В Ленинградском театре комедии С. Ковалевскую играла талантливая и красивая Е. Юнгер, жена главного режиссера театра Н. Акимова. Для постановки спектакля из Москвы вызвали режиссера А. Ремизову. Н. Акимов вспоминал, что на собрание коллектива Театра комедии был приглашен видный математик, чтобы объяснить по существу вклад Софьи Ковалевской в науку. Математические термины и выкладки, даже в упрощенном виде, были непонятны актерам, и «через сорок минут совершенно вспотевший ученый сдался...»².

В предисловии к пьесе авторы подчеркивали, что наряду с историческими персонажами в пьесу введены вымышленные лица, а кое-какие подлинные события перенесены «в иную географическую точку». Правомерность своих действий братья Тур аргументировали тем, что создание пьесы на основе подлинной человеческой биографии сложнее, нежели написание романа, ибо пьеса обусловлена архитектурой драмы и сценическим временем³.

¹ См.: *Пушинова Н.* Валентина Серова. М., 2001. С.226–231; *Вульф В.* Валентина Серова // Театр. 1993. № 4. С. 86.

² *Акимов Н.П.* Театральное наследие. М., 1978. Т. 1. С. 116.

³ *Жданов В.* Историко-биографическая пьеса // Театр. 1950. № 9. С. 75.

В итоге всего одна из шести картин пьесы воссоздает заграничную жизнь С. Ковалевской. В Гейдельберге, по версии авторов, она безуспешно борется с консерватизмом немецких профессоров. Вымышленный персонаж — профессор Шведлиц — всем своим видом и заявлениями доказывает исключительную косность немецкой университетской системы. Чего стоят хотя бы такие его высказывания: «Мадам, вы являетесь таким же нарушением законов природы, как двухголовый теленок»; «У нас в Германии приход женщины в университетскую аудиторию был бы равносителен появлению живого дракона»; «Женщины должны дарить миру новых математиков, а не становиться ими»¹. Последнее, по сути, является интерпретацией «афоризмов» идеологов германского национал-социализма.

Сама Софья нелестно отзывается об университетской верхушке: «Ректор, его превосходительство фон Кнаус, чуть не умер от удара, когда узнал, что я хочу учиться в университете. <...> Я чуть не выщипала этому старикашке его позеленевшую бороду»². Реагируя на дискриминационные в отношении женщин порядки в системе образования, Софья Ковалевская выносит суровый приговор Западу: «Вот она, ваша просвещенная Европа. <...> Да это же воззрения дикарей! Полинезийцев! Зулусов!»³. В свою очередь, иностранцы в пьесе позволяют себе оскорбительные высказывания по поводу интеллектуальных способностей русских.

В реальности именно немецкие профессора сыграли решающую роль в профессиональном становлении русской женщины-математика. Преодолев бюрократические препоны, Софья Васильевна два года обучалась в Гейдельбергском университете, четыре года брала частные уроки в Берлине у К. Вейерштрасса. Геттингенский университет в 1874 г. присудил ей заочно степень доктора философии «с высшей похвалой».

Особенно вольно трактовали авторы пьесы биографию Софьи Ковалевской в последней картине. Избрание выдающейся женщины-математика Петербургской императорской академией наук своим членом-корреспондентом в пьесе совпадает с ее пребыванием в столице Российской империи. Академики прямо с заседания спешат в квартиру Ковалевской поздравить ее. Сюда же приходят петербургские студенты и девушка из Омска, влюбленная в математику и готовая идти в науку «хоть по гвоздям босиком». Софья наставляет молодежь: «Не бойтесь обжечь пальцы о звезды!» и добавляет фразу, соответствующую лозунгу о роли науки в советском обществе: «В горном воздухе чистого знания не забывайте о благе народа...»⁴.

В действительности об избрании членом-корреспондентом, состоявшемся в ноябре 1889 г., С. Ковалевская узнала в Стокгольме из телеграммы прославленного математика, одного из инициаторов избрания П. Чебышева. В апреле 1890 г. она уехала в Россию в надежде быть избранной в члены академии на место умершего математика Буняковского, что гарантировало материальную неза-

¹ *Бр. Тур.* Софья Ковалевская / Драм. М., 1962. С. 387, 389.

² Там же. С. 383.

³ Там же. С. 390.

⁴ Там же С. 454.

висимость. В Петербурге Ковалевская дважды встречалась с президентом академии великим князем Константином Константиновичем, который убеждал ее работать в России. В то же время ей, как женщине, ответили отказом на просьбу присутствовать на заседании академии. Поняв, что присвоение академического звания не изменило кардинально ее статус на родине, С. Ковалевская в сентябре 1890 г. вернулась в Стокгольм. 29 января 1891 г. Софья Ковалевская скончалась в возрасте сорока одного года.

Выпадение обозначенных событий из сюжета не случайно. Во-первых, пьеса о постоянном преодолении препятствий, возводимых в дореволюционной России и других странах перед женщиной-ученым, должна была быть оптимистичной по своему духу. Во-вторых, отечественный научный мир (пусть даже бывший атрибутом царской России) следовало обрисовать в более светлых тонах, нежели зарубежный. Недаром лучшим наставником Софьи вопреки биографическим реалиям в пьесе выступает не немец, а русский академик Левкоев¹. Факт признания Ковалевской прежде всего международным научным сообществом не репрезентируется.

Как и в случае с историко-научными текстами, «регулирующими канонами», предопределявшими нормы производства художественных текстов², являлись критические статьи. Фильмы и театральные постановки об ученых, и в частности «Софья Ковалевская», критиковались за повышенное внимание к семейной жизни героев, а не к их научной деятельности, сути научных открытий. Трудности визуализации науки и проблематичность сделать чисто «научный» сюжет источником драматического напряжения авторами критических материалов в расчет не брались.

Критики подчеркивали также «стыдливый» уход авторов от «классовой природы крупных деятелей прошлого»³, наличие в пьесах и фильмах такого «элемента буржуазной драмы», как случай. Критик Н. Велехова упрекала братьев Тур в забвении главного — «закономерности победы могучего русского гения Ковалевской над косностью и рутинной прогнившей царской России» и в «превращении Софьи Ковалевской в лихую, экстравагантную „девушку-гусара“, в взбалмошную, эксцентрическую особу»⁴.

Вообще, русский ученый по определению не мог быть «взбалмошным» или «безвольным неудачником» (как А.С. Попов в первом, отклоненном сценарии

¹ Академик Левкоев в отличие от язвительного немца профессора Шведлица не оскорбляет Софью, а лишь по-отчески поучает ее: «Наука — женского рода, и, как вы, женщины, деспотична и требует от человека всей жизни без остатка. Она, подобно женщине, не терпит малодушных и слабых. Она желает, чтобы ее добивались и сражались из-за нее до крови, до глубины сердечных ран...» (Там же. С. 384).

² Определение «регулирующих канон» со ссылкой на Ю. Лотмана и Б. Успенского дается в статье Х. Гюнтера (*Гюнтер Х.* Жизненные фазы соцреалистического канона // Соцреалистический канон / Под общей ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб, 2000. С. 281–286). В ней же автор выделяет фазы соцреалистического канона и относит период сталинизма к фазе применения канона.

³ См.: *Еремин Д.* Историко-биографическая тема в кино // Советское искусство. 1948. 31 января. С. 3.

⁴ *Велехова Н.* Бег на месте // Театр. 1950. №1. С. 34.

фильма)¹ или могучим, но деспотичным и несчастным человеком (как И.В. Мичурин в первой, отклоненной версии фильма А. Довженко «Жизнь в цвету»). Взамен противоречивого образа И.В. Мичурина А.В. Довженко было настоятельно рекомендовано представить ученого-материалиста, патриота, сделать фильм оружием борьбы против идеалистических теорий Моргана, Менделя, Вейсмана, связать его с работой по насаждению лесов и озеленению пустынь². Живые, выразительные краски менялись на сусальные.

Биографии ученых откровенно переписывались драматургами и сценаристами. В случае необходимости дискуссий с иностранными учеными, их эффектных обличений в сюжете появлялись вымышленные конгрессы. Сцены заграничного ученичества, стажировок русских ученых отсутствовали или сводились к минимуму. Образы зарубежных ученых — вейсманистов («Мичурин»), профессора Шведлица («Софья Ковалевская»), Маркони («Александр Попов») — были откровенно карикатурными. В фильмах и спектаклях причудливо переплеталось прошлое и настоящее. Страстные монологи героев транслировали одобренные сверху лозунги сессии ВАСХНИЛ 1948 г., «научных дискуссий» рубежа 1940–1950-х гг., положительные герои обличали «космополитов»³.

Именно художественные биографические тексты сталинской эпохи наиболее ярко иллюстрируют тезис ряда отечественных и зарубежных ученых о том, что начиная с 1930-х гг. в СССР радикально переосмысливается роль автора, который перестает быть создателем оригинальных текстов, а работает на материале мифологии, творцом которой является партия⁴.

Известный советский киновед Р.Н. Юренев так характеризовал биографические фильмы рубежа 1940–1950-х гг.: «Стремление превратить героя в некий эталон творческого подвижничества и патриотизма, в „рупор идей“, изрекающий верные, но однообразные сентенции, стереотипность конфликтов с чиновниками и представителями западной культуры... всё это не было своевременно замечено критикой, но благополучные стандартные рецензии не убедили зрителей, народ. <...> Пустующие кинотеатры говорили с исчерпывающей ясностью о кризисе советского биографического фильма»⁵. Похожая участь была и у спектаклей, большинство из которых шли редко и практически не попадали в сезонные «рейтинги», публиковавшиеся в журнальных и газетных передовицах и критических обзорах.

¹ См.: *Еремин Д.* Историко-биографическая тема в кино.

² *Юренев Р.Н.* Биографические фильмы // *Очерки истории советского кино.* М.: Искусство, 1961. Т. 3. 1946–1956. С. 288; *Максименков Л.В.* Введение // *Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы.* М., 2005. С. 51.

³ «Наука имеет отечество, и русский ученый обязан его иметь» («Академик Иван Павлов», фрагмент из речи И.П. Павлова), «Почему у нас с некоторых пор ищут ученых среди иностранцев? В то время когда земля наша полна талантами», «Это рабочее меня глубоко возмущает» («Софья Ковалевская», фрагменты из речи академика Левкоева) и др.

⁴ *Clark K.* The Soviet Novel. History as Ritual. Chicago, 1981. P. 159; *Линецкий В.* Об искренности в литературе // *Вестник новой литературы.* 1993. № 5. С. 243.

⁵ *Юренев Р.Н.* Биографические фильмы. С. 325.

Через три месяца после смерти И.В. Сталина на июньской 1953 г. партконференции Министерства культуры П. Пономаренко под смех зала сравнил историко-биографические фильмы с житиями святых. В том же месяце на имя Г. Маленкова был представлен переработанный план производства полнометражных художественных фильмов на 1954 г. из которого, в частности, были исключены историко-биографические картины¹.

Как отголосок поздне сталинского биографического «бума» можно рассматривать фильм «Михайло Ломоносов» (1955, режиссер А. Иванов, сцен. Л. Рахманов), сосредоточивший в себе, по мнению Р. Юренева, «все штампы, все привычные схемы, все отрицательные стороны биографических фильмов»², и экранизацию спектакля Ленинградского театра комедии «Софья Ковалевская» (1956, режиссер И. Шапиро).

Смерть Сталина и отказ от идеологических проектов эпохи позднего сталинизма способствовали не только, используя терминологию Х. Гюнтера, «размыканию» соцреалистического канона, но и смене историко-научного дискурса. Отечественная наука перестала так активно, как прежде, противопоставляться зарубежной. Оценка зарубежных научных исследований теряла идеологически враждебную стилистическую окраску. 25 февраля 1955 г. вышел приказ министра высшего образования СССР № 144 «О преподавании истории техники в высших учебных заведениях». Пункт «а» приказа звучал следующим образом: «Обратить внимание преподавателей на необходимость освещения в лекциях по общенаучным и специальным дисциплинам, а также в учебниках и учебных пособиях достижений *не только отечественной, но и мировой науки и техники...*»³.

Итак, пропаганда биографий русских ученых была неотъемлемой частью государственного проекта патриотического воспитания во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. Биографии эти должны были не только иллюстрировать лозунг «За приоритет отечественной науки», но и являться эталоном материалистического и революционного мировоззрения, служения народу, преданности родине, отторжения всего зарубежного как чуждого, безупречной морали и нравственности. Важной функцией биографий (преображенных «творческим» прочтением художника — исполнителя государственного заказа) была легитимизация в сознании общества идеологических кампаний тех лет.

Создание идеальных с точки зрения идеологических канонов биографий ученых в рамках историко-научного нарратива и учебных курсов было задачей практически невыполнимой. «Преодолеть сопротивление материала», сделать его податливым, пластичным, способным принять любую нужную форму (по терминологии Б. Гройса⁴) в научной биографии проблематично. Возможности кино и театра были в этом отношении шире, однако и они не дали ожидаемых результатов.

¹ Зезина М. Кинопрокат и массовый зритель в годы «оттепели» // История страны/ История кино / Под ред. С.С. Секиринского. М., 2004. С. 393.

² Юрнев Р.Н. Биографические фильмы. С. 324.

³ Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции. М., 1957. С. 86 (Выделено авт.).

⁴ Гройс Б. Историзировать сталинскую культуру // Искусство утопии. М., 2003. С. 21.

Образы ученых подгонялись под официальный стандарт, были прежде всего дидактичными. Следование исторической правде, стимуляция зрительского интереса к театральным или экранным образам ученых относились к задачам второстепенным. Заданные правила языкового дискурса, минимальное пространство для импровизации в конечном счете преопределили слабый отклик аудитории.

Декодировку биографических текстов второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. можно рассматривать как перспективное направление в реконструкции канонического и лично-индивидуального компонентов творчества авторов, механизмов формирования и трансляции мифологии эпохи позднего сталинизма.